

ние в них очень различно: в «Кадетах» несобственно-авторское повествование используется эпизодически и носит цитатный характер, а в «Юнкерах» оно преобладает. В результате осуществляется сближение, взаимопроникновение, почти полное совпадение точек зрения автора и героя, что придает «Юнкерам» оттенок мягкого лиризма и элегической грусти. И это не случайно. Ведь «Юнкера» — роман-воспоминание. Здесь у Куприна полностью отсутствует критическая струя, столь характерная для его дореволюционных произведений об армии, в том числе и для повести «На переломе» («Кадеты»). Прошлое кажется стареющему писателю прекрасным и нарядным, и он приписывает своему Александрову многие мысли и ощущения, которых просто не могло быть у юного офицера и которые очень хотелось бы найти у него эмигранту Куприну. И несобственно-авторское повествование в его наиболее утонченной и искусно организованной форме как нельзя лучше соответствует воплощению этих намерений автора.

Полное сближение позиций автора и героя (рассказчика) характерно для повести «Колесо времени». Это повесть о любви, написана она от первого лица. В ней есть несобственно-прямая речь, передающая мысли рассказчика, и в то же время это и авторские отступления, которые передают переживания и размышления автора как действующего лица словами этого лица, но не героя произведения, а повествователя: «Старый друг мой, дорогой мой дружок! Никому я обо всем этом никогда не говорил и, уж конечно, больше не скажу. Прости же мне мое многоречие... Есть у меня утешение — моя исключительно точная память. Но как сказать: не источник ли этот дар и моих бесплодных мучений. Когда жаждущему дают морскую воду, он радуется ее прохладе, но, выпив, терзается жаждой вдвое». Это как бы и авторская и чужая речь одновременно — ведь повесть-то написана от первого лица. Объединение несобственно-прямой речи героя и лирических отступлений автора придает многим рассуждениям Куприна в «Колесе времени» характер вселичных, всеобщих, всечеловеческих сентенций, превращает их в афоризмы: «Любовь крылата!», «Колесо времени не остановишь и не повернешь обратно», «Но в этой стихии (любовной страсти) всегда властвует не тот, кто любит больше, а тот, который любит меньше, — странный и злой парадокс!» Автор и герой здесь максимально сближены, как бы слиты воедино, и это одно из проявлений общей тенденции в повествовании позднего Куприна, когда рассказчик открыто сливается с автором.

Таким образом, в поздних произведениях Куприна несобственно-прямая речь и несобственно-авторское повествование максимально сближены, очень тонко организованы, предельно функционально нагружены.

Итак, для Куприна были благотворны уроки классики. Но, усваивая опыт И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и других писателей, он рабски его не копировал: Куприн умел быть оригинальным и неповторимым, он создал свою манеру письма, его произведения и до сих пор звучат «по-купрински». Молодые писатели и сейчас могут учиться у А. И. Куприна точности, целенаправленности, художественной выразительности и изобразительной силе языка.

